

Это означало, что ему не нужно спешить с возвращением. Шу Цзюнь почувствовал сомнение, не зная, есть ли ещё причины, о которых он не знает, но на словах всё же согласился. Он не был любителем смотреть на пейзажи, но раз Сюэ Кайчао так сказал, то почему бы и нет.

Сюэ Кайчао, похоже, не собирался давать больше указаний, будто Шу Цзюнь отправлялся не для того, чтобы убить кого-то из важных людей семьи Мэн, а действительно для того, чтобы полюбоваться видами. Он всегда был таким спокойным, и Шу Цзюнь не чувствовал себя обиженным, но всё же немного сожалел, продолжая сидеть у него на коленях и не хотел вставать.

Он не считал, что влюблён или привязан к Сюэ Кайчао, но не мог отрицать свою зависимость и привязанность, объясняя это тем, что из всех событий в его жизни только те, что были связаны с Сюэ Кайчао, были хорошими. Кто же не привяжется к хорошему?

Сюэ Кайчао молча поднял его и прижал к себе.

Шу Цзюнь дрогнул в его объятиях, чувствуя, как становится мягким. Он знал, что между ним и Сюэ Кайчао нет равенства. Поэтому каждый раз, когда происходили такие молчаливые проявления близости, Шу Цзюнь чувствовал, что его голова кружится, и он едва может сохранить ясность ума.

Слишком сложно было сохранять свою позицию. Он ещё не научился быть полезным для Сюэ Кайчао, но уже зависел от него, и баланс между тем, что он отдавал и получал, был нарушен. Сюэ Кайчао ничего не требовал, будто ему и не нужно было ничего возвращать.

Это чувство было неуловимым и пугающим.

Шу Цзюнь почувствовал лёгкий горьковатый аромат, исходящий от Сюэ Кайчао, и подумал, что его молчаливая поза, свернувшись в его объятиях, напоминала грязного и запутанного бродячего пса, прижавшегося к позолоченному алтарю. Хотя это было убежищем, оно не принадлежало только ему. Он мог остаться здесь сейчас, но в конце концов ему придётся выйти в бурю. Спокойствие было мимолётным, потому что он не мог отблагодарить божество, а божество не будет миловать только его.

В мире людей, чтобы получить что-то, нужно было обменять это. С тех пор как Шу Цзюнь оказался на улице, он знал, что если хочешь что-то, нужно отнять, обменять или купить. Быть довольным тем, что тебе дают, он не мог. Поэтому, встретив Сюэ Кайчао, который сначала был добр к нему, а затем заставил его почувствовать, что он не может отплатить, он не мог игнорировать постоянный страх.

Из-за этого дисбаланса он всегда чувствовал, что всё может рухнуть.

Радость постели для Шу Цзюня была не так ценна, чтобы быть достаточной платой. Он просто был готов, даже если теперь он полностью принадлежал Сюэ Кайчао, мог в любой момент погибнуть, выполняя задания, связанные с убийствами, но всё же чувствовал, что этого недостаточно, далеко недостаточно.

Шу Цзюнь в глубине души всегда чувствовал себя нищим и опустошённым. Его настроение было запутанным, и чем спокойнее были дни, тем больше он чувствовал внутреннее смятение и тревогу. Напротив, хаос и нестабильность заставляли его оставаться в ясном уме.

Объятия Сюэ Кайчао были спокойными и тихими, но они не принадлежали ему. Шу Цзюнь молча обнял его некоторое время, затем тихо соскользнул с его колен, чувствуя смущение,

думая, что это было слишком слабо, и такая эмоция не должна была проявляться. Но его рука всё ещё неосознанно держала край рукава Сюэ Кайчао, и, поднимаясь, он вдруг отпустил его, будто обжёгся.

Он всегда чувствовал себя недостаточно зрелым, поэтому старательно учился, но в таких мелочах выдавал себя, что заставляло его чувствовать неловкость. Он старался сохранять самообладание и попытался попросить:

— Мне пора идти.

Он не знал, как это понял Сюэ Кайчао, но тот опустил взгляд, глядя на его руку, и Шу Цзюнь почувствовал, как ладони и тыльная сторона руки зачесались, и он невольно убрал их за спину.

Ресницы Сюэ Кайчао были длинными, с лёгким изгибом, густыми и чёткими, падая, они напоминали раскрытый веер, скрывающий взгляд. Шу Цзюнь почувствовал себя в затруднительном положении, но Сюэ Кайчао, казалось, не замечал этого, встал босиком перед ним, его тень была длинной:

— Не спеши.

Он взял свой меч и передал его Шу Цзюню, затем, не касаясь пола, обошёл его сзади и положил руку на его плечо:

— Я забыл, что хотел научить тебя нескольким приёмам.

Шу Цзюнь оказался в его объятиях, не в силах пошевелиться, с трудом держа прозрачный, как стекло, меч, его уши горели. Каждое движение Сюэ Кайчао казалось сосредоточенным, но Шу Цзюнь не мог принять это спокойно, чувствуя, как его плечо, на котором лежала рука, начинает таять, как сахар от тепла.

Техника меча и клинка, конечно, различалась, но Сюэ Кайчао, естественно, знал и то, и другое, и легко продемонстрировал несколько приёмов. Шу Цзюнь, которого он обнял и держал за руку, крутился и вертелся, как в тумане, повторяя движения. Его способности к пониманию были неплохими, и он почувствовал что-то странное, остановившись, спросил:

— Это не похоже на приёмы Дворца Закона?

Сюэ Кайчао сел обратно, легко подхватив маленького цилиня, который, виляя хвостом, протиснулся через дверь и запрыгнул на сиденье. Его взгляд слегка дрогнул, как хвост рыбы, проплывающей в голубой воде, и он не спешил объяснить:

— Сколько ты запомнил? Попробуй повторить.

Эти приёмы были не сложными, и Шу Цзюнь, подражая, смог повторить их на пять-шесть частей, считая, что это выглядело неплохо. Но когда он действительно начал выполнять их, то понял, что движения были непрерывными и бесконечными, и хотя их было легко освоить, чтобы по-настоящему овладеть ими, требовалось значительно больше времени. Первый приём, который Сюэ Кайчао использовал в их схватке в восточном зале, вероятно, был из этой техники.

Только когда Сюэ Кайчао использовал их, противник чувствовал, будто сталкивается с невидимой стеной, и не решался атаковать в лоб. Чтобы достичь такого уровня, потребовались бы годы. Шу Цзюнь почувствовал восхищение, считая это действительно впечатляющим, и,

закончив, с блестящими глазами ждал ответа Сюэ Кайчао, но вдруг почувствовал, как его охватывает странное ощущение, будто он сделал шаг в пустоту.

Выражение Сюэ Кайчао не было страшным, даже его эмоции были мимолётными. Но Шу Цзюнь не ошибся — в тот момент Сюэ Кайчао казался более реальным, лишь слегка приподняв ресницы, но в его взгляде была странная грусть и ностальгия, будто золотая пыль с божественной статуи осыпалась, превращаясь в полупрозрачные сияющие крылья бабочек, которые в мимолётном мгновении открыли смертному взгляд на печаль божества.

Но это было лишь на мгновение, и Сюэ Кайчао снова сидел спокойно, его пальцы погрузились в мягкую шерсть на спине маленького цилиня, и он говорил ровным голосом:

— Это техника меча, которой меня научила мать. То, чему ты учился в Дворце Закона, хоть и передаётся там, но Ю Юй и Дворец Закона сильно подвержены влиянию семьи Сюэ, так что они отличаются.

Шу Цзюнь молчал, не решаясь говорить.

Он знал, что мать Сюэ Кайчао, госпожа Дугу, умерла рано, но подробностей он не слышал. А что касается того, скучал ли Сюэ Кайчао по матери или грустил из-за того, что его отец ушёл в затворничество, об этом не стоило рассуждать.

Но если рассматривать Сюэ Кайчао как бесстрастного и неприступного бога, то трудно было воспринимать его потерю матери всерьёз. Ведь в мире людей редко что-то бывает совершенным, а Сюэ Кайчао, находясь на вершине, давно должен был принять это.

Поэтому, даже увидев изменение в его выражении, Шу Цзюнь сначала был удивлён, а затем почувствовал грусть, будто на сердце у кого-то был грубый шрам, и он случайно прикоснулся к нему. Шрам был слишком грубым, и даже лёгкое прикосновение могло причинить боль.

К счастью, Сюэ Кайчао уже вернулся в обычное состояние, и Шу Цзюнь решил больше не поднимать эту тему.

— Использование оружия, в принципе, одинаково. Хотя клинок Хаошуан заточен только с одной стороны, он узкий, и его можно использовать не только для рубящих ударов. Ты быстро учишься у Ю Юй, но у неё больше опыта, и чтобы не зайти в тупик, тебе нужно изучить больше техник.

Сюэ Кайчао медленно говорил, жестом приглашая его сесть рядом.

Шу Цзюнь серьёзно кивнул, внимательно слушая, и сел рядом с Сюэ Кайчао. Хотя это можно было считать наставлением, и он должен был скромно слушать, Сюэ Кайчао не придавал этому значения, так что он просто опустил это.

Маленький цилинь вдруг встал, вытянулся и зевнул, затем развернулся на коленях Сюэ Кайчао и снова улёгся, его глаза вместе с глазами Сюэ Кайчао смотрели на Шу Цзюня.

Малыш вырос.